

Род Аксаковых в контексте истории русского дворянства

История Аксаковых отразила социо-культурные, экономические и политические процессы, происходившие в российском обществе на протяжении 500 лет. В коллективной биографии рода общие этапы и модели социального, демографического и генеалогического бытования дворянства интегрировались с индивидуальным, личностным субстратом, а микроисторические события детерминировались макроисторическими закономерностями.

Совокупность конкретных судеб Аксаковых создает универсальный образ древнего служилого рода, среднего количественно (примерно 300 человек), стабильного в служебном положении, крепко державшегося дворянской традиции, в которой генеалогическая память составляла особо почитаемую семейную ценность, стержень менталитета. Трепетное отношение к родовому началу, наиболее полно воплощенное в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова, было в значительной степени обусловлено историей семьи, имевшей все атрибуты древности: легенду, родоначальника-иностранца, знаменитых предков, сопричастность к важнейшим историческим событиям, герб.

В этой системе ценностей приоритетное место занимала родовая легенда. Она традиционно повествовала о происхождении от знатного иностранца, приехавшего служить на Русь, где его «приняли с почетом», пожаловали землями и назначили на высокую должность. Верификация подобных сведений перманентно сохраняла актуальность для отечественной генеалогической науки¹. Оценки родовых легенд колебались в очень широком диапазоне: от признания их абсолютного соответствия исторической реальности до категорического отрицания всякой информативной ценности. Альтернативность детерминировалась тем, что в процессе генезиса генеалогического источниковедения, происходившего во второй половине XIX – начале XX в., была убедительно доказана фантастичность нескольких родовых легенд (Бестужевых, Головкиных и др.). Разоблачения предопределили скептическое отношение последующей историографии к этой группе источников в целом. Лишь небольшое количество поздних легенд признавалось достоверными. В современной исторической науке оценки не столь прямолинейны, в последние годы появился ряд работ, в которых на основе комплексного анализа всей совокупности возможных источников, в том числе редко привлекавшихся ранее летописных свидетельств, предпринимаются попытки реконструировать дворянские родословия в длительной ретроспективе и довести их до домонгольского периода². В контексте методических и концептуальных модификаций была заново осмыслена и родословная легенда Аксаковых.

¹ Подробнее см.: Наумов О.Н. Проблема «выездов» в контексте развития генеалогической и геральдической историографии России // Россия и зарубежье: генеалогические связи. М., 1999. С. 41 – 42.

² См., например: Кузьмин А.В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII – XV вв. Часть I // Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 108 – 152.

Согласно источникам они и их однородцы Вельяминовы, Воронцовы, Воронцовы-Вельяминовы, Исленьевы происходили от знатного варяга Шимона (Симона Африкановича), который прибыл на Русь из Скандинавии к князю Ярославу Мудрому, принял православие, участвовал в ряде важных событий и умер в 1089 г. Эти сведения интересны в двух отношениях. Во-первых, древностью выезда; очень незначительное число дворянских семей относили время жизни даже легендарных своих родоначальников к XI в. Аксаковы оказываются одним из самых старинных русских родов, уступающих в этом отношении только Рюриковичам, потомкам князя Рюрика, жившего в IX веке. Во-вторых, и это особенно важно, легенда уникальна достоверностью. В историографии начала XX в. сведения о первых поколениях Шимоновичей подвергались жесткой критике, в том числе со стороны крупнейшего отечественного генеалога Л.М. Савелова³. Однако в исследованиях последних лет, опирающихся на сравнительный анализ широкой совокупности источников,⁴ не только сформировался тезис о достоверности выезда Шимона, но и убедительно реконструирована последовательность его ближайших потомков, в том числе для периода чрезвычайно плохо обеспеченного документальными свидетельствами. Такая благоприятная источниковедческая ситуация связана с заметной ролью, которую играли Шимоновичи в политической истории Руси XIII – XIV вв. Социальная активность способствовала сохранению генеалогических данных в ситуации, когда другие семьи их утрачивали. Легенда Аксаковых представляет собой редкий феномен отечественного родового пространства, оказавший несомненное влияние на историю семьи, на прочность ее генеалогических традиций.

Выделение Аксаковых как самостоятельного рода из потомков Шимона (конкретно – Вельяминовых) произошло в конце XV в. Это был момент самоидентификации и всесторонней модернизации привилегированного слоя Руси, его генеалогической стратификации и формирования родовой культуры. Именно с указанного времени многие дворянские семьи отсчитывали достоверное, подтвержденное источниками родословие. Становление интереса к генеалогии в конце XV в. детерминировалось активными социальными процессами, происходившими при московском великокняжеском дворе, в котором, вследствие централизации государства, соединились разнородные по происхождению и положению лица: потомки удельных князей, московское боярство, остатки региональных элит, попавшие на новое место вместе с бывшими правителями. В таких условиях только генеалогия, как нечто неизменное, могла стать ранжирующим признаком, позволявшим избегать

³ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. Ч. 2. М., б.г. С. 130, 139.

⁴ Воронцов-Вельяминов Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М., 1977. С. 124 – 139; Молчанов А.А. История древнерусского боярства в генеалогических источниках (ростово-суздальские и московские тысяцкие Шимоновичи-Протасьевичи в XI – XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1990. С. 79 – 83; Он же. Варяжско-русский род Шимоновичей в XI – первой половине XIV в.: генеалогическая фикция или историческая реальность? // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск, 2001. С. 103, 104.

серьезных конфликтов при назначениях на должности, и фактором повышения эффективности государственного управления.

Подобные обстоятельства привели к возникновению системы местничества, при которой основным условием карьеры становилось происхождение человека. Разнообразие генеалогических трактовок и служебные амбиции приводили к многочисленным местническим спорам, являвшимся, по сути, формой выяснения достоверности родовой информации. Как и другие служилые люди, Аксаковы принимали участие в местнических процессах, хотя активность их была несколько меньшей, чем у других Шимоновичей⁵. Известно всего 7 подобных случаев, причем почти все они локализованы в небольшом периоде 1560-х – 1590-х гг.⁶. Видимо, именно в этот период произошло определение нового положения семьи в структуре служилого сословия, которое сохранялось до отмены местничества в конце XVII в.

Процесс структурирования привилегированного слоя Руси не завершился выделением самостоятельных родов, в XVI в. внутри многих из них сформировались более мелкие части – ветви. Аксаковы рано пережили имманентную стратификацию. В начале XVI в. они распались на две ветви: московскую (со второй половины XIX в. московско-калужскую) и арзамасскую (с XVIII в. уфимско-самарскую). Родоначальником последней стал сын боярский Михаил Юрьевич Аксаков, отдавший жизнь за Отечество в «летнем Ливонском походе» 1577 г. С 7083 (1574/1575) г. он владел поместьем в селе Березовый Усад Ирженского стана Арзамасского уезда (25 четвертей «доброй земли», 25 четвертей перелога, 25 четвертей «дикого поля» и различные угодья). По царской грамоте от 12 декабря 1577 г. это поместье перешло к его вдове Марии и двум малолетним сыновьям⁷.

Однако родословие Аксаковых в XVI в. запутанно и противоречиво. В нем явно допущена ошибка, которая нарушила синхронистичность и привела к расхождению в генеалогическом счете между ветвями на 3 – 4 поколения, т.е. почти на 100 лет. Арзамасская ветвь четко прослеживается до упомянутого Михаила Юрьевича Аксакова, жившего в середине XVI в., а московско-калужская – до начала XVII в. В составленном Московским дворянским депутатским собранием родословии последняя отсчитывается от воеводы Протасия Михайловича Аксакова, упоминаемого в документах 1620-х – 1650-х гг.⁸.

Малочисленность и дискретность генеалогических источников XVI в. пока препятствуют убедительному разрешению противоречия в родословии Аксаковых, но причины его хорошо понятны. Аналогичные неясности характерны для многих дворянских семей и обусловлены особенностями учета служилого сословия в XVI – XVII вв. Первой официальной родословной книгой России являлся Государев родословец 1555 г., текст которого вошел в

⁵ Вельяминовы, например, принимали участие в местнических спорах 40 раз (Эскин Ю.М. Местничество в России XVI – XVII вв. М., 1994).

⁶ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI – XVII вв. М., 1994.

⁷ Юшков А.И. Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898. С. 183 – 184.

⁸ Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 32.

Бархатную книгу, составленную почти через 150 лет, в 1688 г.⁹ Когда дворяне в конце XVII в. предоставляли для Бархатной книги свои росписи, они уже плохо помнили родственников, живших во второй половине XVI в., поэтому информация за этот период содержит многочисленные неточности и ошибки. В тексте они следовали за сравнительно точными сведениями первой половины XVI в. Родословие Шимоновичей (Вельяминовых, Аксаковых, Воронцовых-Вельяминовых, Исленьевых) имелось в 19 главе и Государева родословца, и Бархатной книги.

Косвенным образом об ошибочности традиционного в научной историографии варианта родословной Аксаковых свидетельствует синодик Московского Богоявленского монастыря, который сохранился в рукописи 1576 – 1581 гг. с позднейшими приписками¹⁰. В нем имеется запись о роде Аксаковых¹¹. Следует подчеркнуть, что степень достоверности сведений синодиков является очень высокой. Известный русский генеалог Н.Н. Кашкин справедливо указывал: «Ведь если московские служилые люди XVII века весьма часто приписывали себе небывалых предков и вносили их в представляемые Разряду родословные росписи, то до внесения этих вымышленных лиц в синодики на вечное поминание, до молитв за них они никогда не доходили»¹².

В феврале 1586 г. Леонтий Иванович Аксаков и Алексей Хозников дали Московскому Богоявленскому монастырю 100 рублей «на впис» родственников. Этот список существенно дополняет данные росписи конца XVII в. новыми именами, как мужскими, так и женскими. Родственников Л.И. Аксаков перечислял в определенном порядке: сначала мать, затем братьев, отца и дядю с женой, далее упомянуты Даниил и Афанасий Аксаковы (возможно племянники вкладчика), двоюродные брат и сестры и, наконец, двоюродные дяди¹³. В этом перечне кажется странным отсутствие племянника Л.И. Аксакова Михаила Юрьевича, погибшего незадолго перед вкладом. Такое умолчание весьма важно, поскольку, как подчеркивалось выше, именно с него начинается документально подтвержденное родословие арзамасской ветви рода.

Исторические судьбы традиционно выделяемых ветвей Аксаковых сложились по-разному и отражали две модели возможного развития дворянской семьи. Арзамасские Аксаковы со второй половины XVI в. относились к категории провинциального дворянства, в служебном отношении ничем себя не проявили. По сути, их история в XVII в. сводилась к приобретению и потере земельных участков.

⁹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. М., 1787. С. 18 – 19.

¹⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Q.IV.129.

¹¹ Алексеев А.И. Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 116.

¹² Кашкин Н.Н. Родословные разведки. Т. 2. СПб., 1913. С. 197 – 198.

¹³ В печатном тексте один из них неправильно назван Антоном, хотя подразумевается Андрей Васильевич Аксаков. Трудно сказать, является ли это ошибкой самой рукописи или небрежностью публикатора, поскольку в комментариях разночтение никак не оговорено (Алексеев А.И. Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 116).

Судьба московских Аксаковых сложилась иначе. В XVI – XVII вв. они сохраняли положение при царском дворе, служили стольниками и дворянами московскими, назначались воеводами в города (в том числе крупные – Казань, Воронеж, Псков, Нижний Новгород, Владимир, Кострому), участвовали в придворных церемониях, владели значительными земельными наделами. Поместный оклад братьев Протасия, Федора и Юрия Михайловичей, например, составлял в 1620-х гг. по 400 – 450 четей земли¹⁴.

Отношения между двумя ветвями, по всей видимости, не были близкими и доброжелательными. Когда в январе 1686 г. московские Аксаковы подали в Палату родословных дел сведения для пополнения Бархатной книги, они не указали провинциальных родственников. Такая практика широко использовалась в тот период. Обедневшие, захудалые ветви замалчивались в росписях более удачливыми социальном отношении родственниками, чтобы семейные связи с ними не нанесли ущерба положению семьи в целом. В данном случае вопрос об отсечении нежелательного родства был решен тем, что сын боярский и воевода Юрий Иванович Аксаков назывался бездетным¹⁵. Арзамасские Аксаковы быстро отреагировали на это и 22 мая 1686 г. подали в Палату родословных дел свою роспись, где показано его потомство. В сопровождавшей родословие челобитной Григорий и Иван Васильевичи Аксаковы отмечали, что искажение допущено подававшим первую роспись Сергеем Федоровичем Аксаковым «по ссоре с нами и не любя нас»¹⁶. Однако Палата родословных дел не стала сводить два текста, и в Бархатную книгу вошло только январское родословие¹⁷. Это могло означать, что у осторожных сотрудников Разряда остались какие-то сомнения в точности сведений по арзамасским Аксаковым. В генеалогическом справочнике князя П.В. Долгорукова, опиравшемся на Бархатную книгу, вторая роспись также не учитывалась¹⁸. Только В.В. Руммель в конце XIX в. включил Михаила Юрьевича Аксакова в общее родословие¹⁹. Из его труда дополненная версия росписи Аксаковых перекочевала в работы других исследователей, например Н.Ф. Иконникова,²⁰ и утвердилась в историографии.

Показание Юрия Ивановича Аксакова бездетным в совокупности с отсутствием его сына Михаила в синодике Московского Богоявленского монастыря, с отказом Палаты родословных дел признать роспись потомков последнего и с тем, что на нем же обрывается подтверждаемое земельными актами родословие позволяют предположить, что именно в этом месте могла быть допущена ошибка, которая привела к нарушению синхронности

¹⁴ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 48, 124, 153.

¹⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 75. Л. 574 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 64. Л. 3.

¹⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. М., 1787. С. 18 – 19. Указание А.В. Антонова, что вторая роспись Аксаковых также внесена в Бархатную книгу, не соответствует действительности (Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 75).

¹⁸ Долгоруков П.В. кн. Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., 1857. С. 44 – 46.

¹⁹ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 22.

²⁰ Ikonnikov N. F. La noblesse de Russie. 2 ed. V. X1. Paris, 1964. P. 41 – 61.

поколений. Для окончательного разрешения этой проблемы требуется целенаправленное и комплексное изучение генеалогии Аксаковых в XVI в.

Важнейшим этапом в истории российского дворянства стали петровские преобразования. Они кардинальным образом изменили социальную ситуацию и структуру сословия. Одни семьи выдвинулись, другие, наоборот, захудали. Провинциальные Аксаковы оказались сильно затронуты этим процессом. В XVIII в. их положение стремительно улучшилось, они вырвались из неизвестности, достигли высоких чинов (действительного тайного советника), званий (сенатора) и должностей (губернатора). Николай Иванович Аксаков (1730 – 1802) и его сын Михаил (1755 – 1818) занимали пост ярославского губернатора, были кавалерами ордена Святой Анны I степени²¹.

В XIX в. четко обозначилось тяготение уфимско-самарских Аксаковых к гражданской службе и юридическому образованию. Традиционными местами учебы стали либо привилегированное Императорское училище правоведения, в которое поступало в разное время 6 представителей семьи,²² либо один из российских университетов: Московский, Казанский, Санкт-Петербургский.

Успешно прошла адаптация к новой социально-экономической ситуации после отмены крепостного права. В отличие от быстро разорявшегося большинства древнего дворянства, Аксаковы из этой ветви до начала XX в. сохраняли значительные земельные владения и материальное благополучие. Сын писателя Григорий Сергеевич Аксаков в октябре 1866 г. имел в Уфимской губернии родовое имение в 4500 десятин земли с поселенными на ней 460 душами крестьян, а в 1873 г. ему принадлежало в том же регионе 9000 наследственных десятин земли²³. Его двоюродный брат Александр Николаевич Аксаков в 1878 г. владел вместе с родителями родовым имением в 6600 десятин земли при селе Аксаковке Николаевка тож в Уфимского уезда одноименной губернии, 9000 десятин земли при селе Кротовке Бугульминского уезда Самарской губернии, 900 десятин земли при деревне Пановке Николаевского уезда, благоприобретенным имением в 1400 десятин земли при сельце Малая Борисовка Городищенского уезда Пензенской губернии²⁴. Внуку первого из них, композитору Сергею Сергеевичу Аксакову в 1915 г. принадлежало 3000 десятин унаследованной земли в Бузулукском уезде Самарской губернии²⁵.

Социальная и экономическая стабильность сочеталась с активной жизненной позицией Аксаковых из уфимско-самарской ветви. К ней принадлежали знаменитые Сергей Тимофеевич, Иван и Константин Сергеевичи

²¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 56. Л. 2; Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 282 об. – 283

²² Это Григорий Сергеевич, Иван Сергеевич, Валентин Николаевич, Александр Аркадьевич, Александр Николаевич и Николай Александрович Аксаковы. См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1284. Оп. 43. Д. 34. Л. 67 об. – 68; Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 355. Оп. 1. Д. 29 – 31; Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 10. Оп. 1. Д. 131. Л. 1 об. – 2; Д. 132. Л. 2.

²³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 43. Д. 34. Л. 67 об.

²⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 13. Л. 39 об.

²⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 14. Л. 22 об.

Аксаковы, принимавшие заметное участие в общественно-политической, научной и литературной жизни страны. Их деятельность способствовала формированию в XIX в. той известности древнего рода, которая сохраняется до сих пор. Для Аксаковых характерны глубоко развитая родовая культура, гордость предками, бережное сохранение семейных традиций. В начале XX в., невзирая на недоумение мало ценившей генеалогические предания дворянской молодежи, юный Сергей Сергеевич Аксаков «с важным видом» говорил: «Мы очень древнего рода!»²⁶.

Судьбы московских Аксаковых в XVIII – начале XX в. оказались совершенно иными. В середине XVIII в. они были вытеснены из прежней социальной ниши и пополнили ряды мелкопоместного дворянства. Традиционной для них стала военная служба, после которой, по возрасту, они переходили на должности в местные учреждения. Предпочитали военное образование, заканчивали военные гимназии, кадетские корпуса и училища: Третье Александровское, Чугуевское пехотное юнкерское, Павловское, Киевское. Участвовали в большинстве войн, которые вела Россия в XVIII в. – начале XX в.: русско-турецких, Отечественной 1812 г., Крымской, русско-японской, первой мировой, но высоких чинов не достигали, предельной границей становились чины штабс-капитана по военной службе и надворного советника – по гражданской. Наиболее заметную карьеру сделал Павел Николаевич Аксаков, который 23 июля 1917 г. получил чин полковника, а в сентябре того же года был назначен командиром 10-го пехотного Новоингерманландского полка²⁷.

С конца XVIII в. земельные наделы представителей московской ветви заметно уменьшились. Причем сокращение произошло несколько позже понижения уровня служебного положения семьи. В 1769 г. Николай Иванович Аксаков, будучи в незначительном чине капрала, совместно с другими родственниками имел около 1000 десятин земли в Клинском уезде Московской губернии,²⁸ но когда в 1799 г. его сыновья Степан и Василий делили имение умершего отца, первому достался 21 крепостной крестьянин, а второму – 26²⁹. Такого количества было явно недостаточно для поддержания материального благополучия, и эта ситуация являлась отражением общих процессов, начинавшихся в российском дворянстве и особенно усилившихся после отмены крепостного права.

Незначительность земельных владений в Московской губернии способствовала повышению роли наделов, получаемых в приданое,³⁰ и, как следствие, возрастанию территориальной мобильности дворянских семей. Во

²⁶ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн. 1. М., 2005. С. 113.

²⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 171627. Л. 418 об.

²⁸ Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Т. 2. М., 2004. С. 260, 281, 288 – 289, 293, 299, 314.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 2 об. – 3 об.

³⁰ Такая мотивация была широко распространена. Например, в прошении губернского секретаря Петра Николаевича Аксакова, датированном сентябрем 1855 г., прямо указывалось, что он желает причислиться к московскому дворянству вследствие того, что получил за женой имение в Серпуховском уезде (ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 1).

второй половине XIX в. московский регион перестал быть местом жительства многих старинных родов. Они переместились в регионы, где обезземеливание происходило менее интенсивно.

Московские Аксаковы также расселились по сопредельным регионам. Сначала выделилась тульско-рязанская ветвь. Она формировалась в условиях изменения места и роли дворянства в сфере государственного управления и экономики России, поэтому не имела четко выраженных характеристик и интегрировала различные модели социального бытования. Тульско-рязанская ветвь, по сути, состояла из двух семей, находившихся в дальнем родстве и выделившихся из московской ветви в разное время. Их представители одновременно владели имениями в Тульской и Рязанской губерниях, поэтому дифференцировать их на самостоятельные части рода невозможно.

Первая семья переселилась в тульский и рязанский регионы еще в XVIII в. В августе 1732 г. будущий уфимский вице-губернатор Петр Дмитриевич Аксаков получил по любовному разделу имений деда, Семена Протасьевича Аксакова, деревню в Тульском уезде³¹. Женат он был на Матрене Иосифовне (Осиповне) Селивановой, происходившей из известной семьи рязанских вотчинников. Его потомки в XIX в. не обладали значительным недвижимым имуществом, владели менее 100 душ крепостных крестьян. Их карьера начиналась на военном поприще, однако высоких чинов они не достигали (поручики, в лучшем случае – штабс-капитаны), затем переходили на службу в провинциальные учреждения Тульской или Рязанской губерний. Образование получали в местных военных училищах, в частности Порфирий и Ипполит Степановичи Аксаковы закончили Александровское военное училище в Туле. В матримониальном отношении показателен заключенный около 1805 г. брак подпоручика Степана Андрияновича Аксакова с дочерью московского купца Анной Степановной, девичья фамилия которой неизвестна. Для начала XIX в. это был явный мезальянс, в историческом плане означавший разрушение социальной границы между дворянством и иными сословиями.

Родоначальником второй семьи, принадлежавшей к тульско-рязанской ветви, стал алексинский уездный предводитель дворянства, штабс-капитан Николай Иванович Аксаков (около 1781 – 1848). В апреле 1819 г. он удачно женился на дочери действительного тайного советника Петра Сергеевича Валуева Прасковье. В 1855 г. за ней состояло 1125 душ крепостных крестьян в Тульской, Рязанской, Костромской и Владимирской губерниях³².

Эта семья дольше, чем потомство Петра Дмитриевича Аксакова, сохраняла служебное и материальное благополучие. Принадлежавший к ней Николай Николаевич Аксаков дослужился до чина действительного статского советника и возглавлял отделение в Горном департаменте. Его отец, также Николай Николаевич, хотя и имел невысокий чин провинциального секретаря, в 1841 г. владел 1000 душами крестьян и родовыми имениями в Московской, Тульской и Рязанской губерниях³³. Во второй половине XIX в. размеры

³¹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 14. Л. 4 об.

³² ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 24 об.

³³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 752. Л. 147 об.

земельных участков уменьшились, а к концу века некоторые члены семьи стали беспоместными. Упомянутый выше горный инженер Н.Н. Аксаков в 1868 г. имел только 250 родовых десятин земли с поселенными на них 87 душами крестьян в Рязском уезде Рязанской губернии,³⁴ а его двоюродный брат Александр Петрович Аксаков, судя по формулярному списку, в 1898 г. никакой земельной собственности не обладал³⁵.

К этой семье принадлежали два известных общественно-литературных деятеля второй половины XIX в., братья Николай (1848 – 1909) и Александр (1850 – 1917) Петровичи Аксаковы. Первый из них пользовался известностью как поэт и публицист, имел степень доктора философии. Как и представители уфимско-самарской ветви Иван и Константин Сергеевичи Аксаковы, особенный интерес он проявлял к истории славянских народов и по общественным взглядам примыкал к славянофилам, хотя подвергал критике отдельные положения их теории, в частности – учение о государстве. Александр Петрович Аксаков, также публицист и литератор, разрабатывал учение о способах исправления преступников. Считая главным условием их перевоспитания труд на благо людей и Бога, он предлагал реформировать тюремную систему России в этом направлении. А.П. Аксаков вел активную издательскую деятельность, издавал сборник «Братская жизнь» (1910 – 1911 гг.) и журнал «Зерна» (1916 – 1917 гг.), редактировал газету «Южное Слово».

Несмотря на масштабное изучение генеалогии Аксаковых в последние годы, потомков тульско-рязанской ветви обнаружить пока не удалось. Возможно, обе семьи пресеклись.

Во второй половине XIX в. сформировался еще один центр расселения Аксаковых – Калужская губерния. Основателем его стал Николай Васильевич Аксаков, женившийся на Юлии Владимировне Воейковой, которая в 1860 г. получила по наследству от отца маленькое, немногим более 150 десятин, поместье в Козельском уезде Калужской губернии³⁶. Благодаря обширному потомству, в регионе образовался большой семейный клан³⁷. Связь семьи с Калужской губернией установились быстро и прочно. Аксаковы служили в местном управлении, принимали участие в деятельности земских и дворянских органов, а женщины начали трудиться в сфере образования и медицины.

Однако формальная связь с Московским регионом сохранялась практически до 1917 г. Калужские Аксаковы продолжали причисляться к московской дворянской корпорации. Последними стали Мария Михайловна Аксакова и ее сын Михаил, которые 25 октября 1914 г. были записаны во вторую часть дворянской родословной книги Московской губернии³⁸. Таким образом, наименование этой части рода именно московско-калужской, а не просто калужской, ветвью представляется обоснованным в контексте практики

³⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 752. Л. 150, 154 об.

³⁵ Государственный архив Ярославской губернии. Ф. 335. Оп. 1. Д. 2555.

³⁶ Государственный архив Калужской области. Ф. 30. Оп. 8. Д. 1268. Л. 4 об

³⁷ Об истории московско-калужской ветви подробнее см.: Кулешов А.С. О восстановлении родословной Аксаковых // Вестник архивиста. 2002. № 1. С. 83 – 88; Он же. Эти неизвестные известные Аксаковы // Русский родословец. 2004. № 1 (3). С. 80 – 95 и др.

³⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 145.

юридического признания дворянского достоинства, бытовавшей в Российской империи.

Эта система начала формироваться в конце XVIII в. и являлась своеобразной реакцией на количественный рост, изменение генеалогического состава и иные социальные процессы, происходившие в дворянском сословии вследствие введения «Табели о рангах» и пополнения его лицами из других слоев. В 1785 г. «Жалованная грамота дворянству» ввела децентрализованную систему учета сословия, в большинстве губернии учреждались родословные книги. В них должны были фиксироваться все потомственные дворяне, владевшие на территории региона недвижимым имуществом.

Аксаковы быстро отреагировали на новые требования и предприняли активные меры к юридическому закреплению своего социального статуса. Первым из рода о внесении в дворянскую книгу просил представитель уфимско-самарской ветви Степан Михайлович Аксаков, который 11 декабря 1791 г. был записан «вместе с родом» в ее шестую часть³⁹. В 1796 г. произошло правовое признание дворянского достоинства рязанских Аксаковых – поручика Андреяна Петровича и его сына Степана. В ноябре 1799 г. подпоручики Василий и Степан Николаевичи Аксаковы просили причислить их к московской дворянской корпорации. Таким образом, уже в XVIII в. все три ветви рода были признаны в древнем дворянстве.

Аксаковы состояли в дворянских родословных книгах 7 губерний: Калужской, Московской, Оренбургской (Уфимской),⁴⁰ Рязанской, Самарской, Симбирской, Тульской. Юридически принадлежность к дворянскому сословию с 1791 по 1914 гг. оформили 63 человека, из которых 42 мужчины, 18 женщин, 3 жены⁴¹. Случаев причисления к дворянским корпорациям было больше – 70, поскольку некоторые представители семьи вносились в родословные книги 2 – 3 губерний, что разрешалось законодательством. Можно констатировать, что большинство Аксаковых, живших в конце XVIII – начале XX вв., доказали официально принадлежность к дворянству. Такая педантичность встречалась довольно редко. Многие роды должного внимания этой процедуре не уделяли. Активность Аксаковых диктовалась, по всей видимости, стремлением удержать сословный статус, подчеркнуть древность и исторические заслуги рода. Значительную роль сыграло стремление дать детям образование в привилегированных учебных заведениях, для чего требовались документы о дворянском происхождении.

Статистически процесс юридического признания статуса Аксаковых выражается следующей таблицей:

³⁹ Государственный архив Самарской области. Ф. 430. Оп. 1. Д. 815. Л. 18 – 18 об.

⁴⁰ В 1781 г. было учреждено Уфимское наместничество, 12 декабря 1796 г. оно переименовано в Оренбургскую губернию, 5 мая 1865 г. из нее выделена Уфимская губерния.

⁴¹ Все подсчеты здесь и далее выполнены нами.

Губерния	Год первого определения о внесении в родословную книгу	Мужчины	Женщины	Жены	Всего
Калужская	1890	2	-	-	2
Московская	1799	21	9	3	33
Оренбургская (Уфимская)	1791	8	5	-	13
Рязанская	1796	5	2	-	7
Самарская	1855	5	2	-	7
Симбирская	1841	3	-	-	3
Тульская	1822	5	-	-	5
Итого:		49	18	3	70

Не менее показательна хронологическая динамика внесения Аксаковых в губернские родословные книги, представленная в следующей таблице:

Губерния	XVIII в.	1801 – 1825 гг.	1826 – 1850 гг.	1851 – 1875 гг.	1876 – 1900 гг.	1901 – 1917 гг.
Калужская	-	-	-	-	2	-
Московская	1	-	7	15	4	6
Оренбургская (Уфимская)	7	-	5	1	-	-
Рязанская	2	-	3	2	-	-
Самарская	-	-	-	2	5	-
Симбирская	-	-	3	-	-	-
Тульская	-	4	-	1	-	-
Итого:	10	4	18	21	11	6

Эти данные демонстрируют социально-генеалогические процессы, происходившие в роде. Наиболее интенсивно фиксировались Аксаковы по региону изначального расселения – Московской губернии – 47,1 % от всех случаев регистрации. Необходимо отметить перманентность этого процесса и не повторяемое в других ветвях причисление к роду мужей супругов. Пик юридического признания пришелся на третью (30 % зарегистрированных случаев) и вторую (25,7 %) четверти XIX в. Таким образом, видимо, проявилось стремление подтвердить правовой статус в условиях изменения социально-экономической обстановки в стране. Демографический кризис в некоторых семьях Аксаковых проявился через уменьшение числа регистраций в конце XIX – начале XX в.

Процедура юридического оформления сословного статуса представляла собой сложный, казуистический, бюрократизированный процесс. Осуществляли его малокомпетентные чиновники губернских собраний и Герольдии (позже

переименованной в Департамент герольдии Правительствующего Сената). Многие решения были ошибочны, алогичны и не отражали реального происхождения семей. Подобные случаи неоднократно происходили и с Аксаковыми. Согласно закону, они имели безоговорочное право на причисление к древнему дворянству, что на практике означало внесение в шестую часть губернской родословной книги.

Однако в 1825 г., опираясь на легенду о происхождении от иноземца Шимона, Тульское дворянское собрание внесло Николая Ивановича Аксакова с женой и сыновьями в четвертую часть, где фиксировались иностранные роды. Такая ошибка была традиционной для губернских собраний. В четвертой части книги по той же Тульской губернии числились и иные русские роды, имевшие легенды о родоначальниках-иностранцах (однородцы Аксаковых Вельяминовы, Даниловы, Кожины, Масловы, Наумовы, Новосильцовы, Рахмановы, Сабуровы, Сухово-Кобылины, Юшковы и др.)⁴². Герольдия, куда было отправлено на утверждение определение собрания, вполне справедливо не согласилась с решением, посчитав причисление рода к иностранному дворянству неправомерным. Указом от 18 октября 1845 г. она переместила Аксаковых в шестую часть⁴³.

Иначе складывалась ситуация в Московском дворянском собрании. Первоначально Аксаковы признавались древним дворянским родом. Однако в 1820-е гг. система юридического оформления статуса начала ужесточаться, вводились новые требования, документы стали проверяться более тщательно. Поэтому определением Московского дворянского собрания от 13 декабря 1828 г.⁴⁴ подпоручик Василий Николаевич Аксаков был причислен к лицам, выслужившим дворянство по военной службе, и зарегистрирован по непрестижной второй части родословной книги. Поводом для этого послужило то, что из документов проситель представил только свой указ об отставке. С формальной точки зрения решение Московского дворянского собрания было правильным, но по сути являлось ошибкой. Такой исход дела не устроил В.Н. Аксакова, который прекрасно знал о своем древнем происхождении. В январе 1832 г. он стал добиваться перенесения себя из второй части в шестую, где числился его племянник Алексей Степанович Аксаков, а также о внесении в эту часть своих детей Сергея, Николая, Екатерины и Марии. В.Н. Аксаков вернул в собрание выданную грамоту о дворянстве⁴⁵ и просил ее уничтожить. Определением от 18 февраля 1832 г. Московское дворянское собрание признало древнее происхождение просителя,⁴⁶ но Временное присутствие Герольдии, заслушав представленный Московской ревизионной комиссией список о фамилиях, признанных во дворянстве, в том числе Аксаковых, указом от 28 сентября 1844 г. не согласилось с решением и просило Московское дворянское собрание дополнить дело новыми справками⁴⁷. В следующем указе от 1 августа

⁴² См.: Чернопяттов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. М., [1909]. Т. 3 (12). Ч. 4.

⁴³ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 22 об. – 23.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 14. Л. 5.

⁴⁵ Подлинник см.: ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 8.

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 14. Л. 10 – 10 об.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 12.

1847 г. Временное присутствие Герольдии нашло, что в числе доказательств нет сведений о том, что Василия и Степана Аксаковых «предки прямой восходящей линии пользовались дворянством за сто и более лет, или чтобы предки владели именьями, населенными крестьянами», поэтому не утвердило определение Московского дворянского собрания от 18 февраля 1832 г., которыми В. и С. Аксаковы с семьями были внесены в шестую часть родословной книги и снова перенесло их во вторую часть.⁴⁸ Аксаковы вновь не согласились с решением и продолжали бороться за правовое признание древности своего происхождения. В июне 1848 г. В.Н. Аксаков вновь обратился к собранию с прошением о перенесении себя с детьми в шестую часть.⁴⁹ К нему он приложил несколько документов, подтверждавших переход недвижимого имения, в частности – сельца Рябинки Клинского уезда, от деда к его отцу, а затем к нему. В числе представленных материалов была даже подлинная запись 1720 г., сохранившаяся в семейном архиве⁵⁰.

Прошение В.Н. Аксакова последствий не имело, род продолжал юридически причисляться к выслуженному дворянству, но члены семьи упорно игнорировали ошибочное решение. В октябре 1871 г. коллежский секретарь Николай Васильевич Аксаков просил внести в родословную книгу своих многочисленных детей, неправильно сообщая, что причислен к древнему дворянству⁵¹. В феврале 1872 г. Московское дворянское депутатское собрание, опираясь на указ Временного присутствия Герольдии от 1 августа 1847 г., в очередной раз определило сопричислить Сергея, Ольгу, Александру и Антонину Николаевичей Аксаковых к роду отца со внесением во вторую часть. Только это поколение перестало сопротивляться чиновничьему произволу и безропотно причисляло своих детей к недревнему дворянству. Впрочем, к концу XIX в. принадлежность к привилегированному сословию не имела такого значения, как раньше, факт юридической покорности недвусмысленно отразил новое положение дворянства в условиях капиталистического развития страны.

История правового признания Аксаковых типична для среднего слоя древнего дворянства. Его представители постоянно и оправданно стремились попасть в шестую часть родословной книги, но формально часто переносились во вторую или четвертую. Однако Аксаковы, в отличие от других, не смирились с ошибочной генеалогической идентификацией и много лет боролись за официальное признание истинного своего происхождения.

Одновременно с юридическим признанием древности произошла геральдизация рода. Герб Аксаковых был внесен в четвертую часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», утвержденную 7 декабря 1799 г. Его официальное описание таково: «В щите, имеющем серебряное поле, изображено красное сердце, пронзенное стрелой, щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 17 – 17 об.

⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 14. Л. 8 – 8 об.

⁵⁰ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 14. Л. 12.

⁵¹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 15. Л. 45 – 46.

страусовыми перьями, намет на щите серебряный, подложенный красным, щит держат два воина в латах, имеющие в руках по одному копью»⁵².

Для русской геральдики было характерно использование общих эмблем в гербах семей, происходивших от одного родоначальника. У Шимоновичей такая традиция не соблюдалась, герб Аксаковых ничем не напоминает гербы Вельяминовых, Воронцовых-Вельяминовых и Исленьевых,⁵³ что можно истолковать как свидетельство его позднего возникновения. Герб, по всей видимости, был создан в конце XVIII в. в связи с составлением «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Лежавшая в его основе эмблема представляет собой польский герб Аксак и могла быть избрана случайно, по созвучию ее названия и фамилии рода. Такие случаи происходили в русской геральдики весьма часто. Достаточно вспомнить, например, герб Масловых, которые пытались использовать в качестве родового символа гербы польских родов Масловских или Масло⁵⁴. Косвенным образом о позднем времени геральдизации Аксаковых свидетельствует отсутствие их герба в «Гербовнике А.Т. Князева» 1785 г.,⁵⁵ содержащем значительный комплекс частных печатей XVIII в. Тем не менее, герб быстро прижился и во второй половине XIX – первой половине XX в. в роде сложилась стойкая традиция его бытования и широкого использования⁵⁶.

Политические потрясения 1917 г. обозначили потребность в социальной адаптации дворянства к новым условиям. Аксаковы избрали активные формы поиска самоидентификации. Они участвовали в Белом движении, значительная часть представителей семьи эмигрировала: из оставшихся в живых к 1921 г. 23 человек 12 оказались вне пределов России. Коренным образом изменилось территориальное распределение рода. Первоначальными местами поселения Аксаковых стали Югославия, Китай, Германия, Австрия, Болгария, Франция, а с середины XX в. – США, Аргентина и Австралия. После Второй мировой войны произошла частичная репатриация, в СССР вернулся композитор С.С. Аксаков с

⁵² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. IV. СПб., [1800]. № 19.

⁵³ Герб Вельяминовых: «Щит разделен перпендикулярно на две части из коих в правой в золотом поле изображена половина орла белого в золотой на главе короне, в левой части в красном поле означены крестообразно три палицы, имеющие рукоятки и копыя золотые. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложенный золотом» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. II. СПб., [1800]. № 22). Воронцовы-Вельяминовы пользовались аналогичным гербом (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. V. СПб., 1800. № 16). Герб Исленьевых: «Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображен перпендикулярно серебряный якорь, а в нижней части в красном поле стоящий на задних лапах золотой лев и держащий вверх поднятый меч. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой и красный, подложенный золотом» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. IV. СПб., [1800]. № 20).

⁵⁴ Маслов Д.А., Щербачев О.В. Масловы // Дворянский календарь: Справочная родословная книга российского дворянства. Тетр. 11. СПб., 2003. С. 90.

⁵⁵ См.: Гербовник А.Т. Князева 1785 года. СПб., 1912.

⁵⁶ Подробнее см.: Кулешов А.С., Наумов О.Н. Род и герб Аксаковых // Гербовед. 2005. № 6 (84). С. 116 – 124.

семьей⁵⁷. В СССР к 1930-м гг. проживало всего двое мужчин из рода Аксаковых – Борис Сергеевич и его двоюродный брат Михаил Георгиевич. Они оба подверглись репрессивным преследованиям властей⁵⁸.

Территориальная разобщенность семьи, сложности адаптации и самоидентификации, преследования, бытовые лишения и иные факторы предопределили нарушение механизмов трансляции специфической дворянской культуры, утрату генеалогических традиций. Этот процесс в равной степени проявился как в СССР, так и в эмигрантской среде. Дмитрий Борисович Аксаков, установив после Второй мировой войны связи с родным дядей Сергеем Сергеевичем Аксаковым, просил его написать об истории семьи, о значении герба и т.д.⁵⁹. Сын репрессированного летчика М.Г. Аксакова, ныне здравствующий Михаил Михайлович Аксаков только в 1990-е гг. смог точно установить свою принадлежность к московско-калужской ветви рода, узнать биографии предков и найти родственников за границей.

На рубеже XX – XXI в. произошло восстановление генеалогического единства рода. Современные Аксаковы были включены в историческую систему родственных отношений. Важнейшую роль в возрождении семейной памяти сыграла публикация замечательных мемуаров Т.А. Аксаковой (урожденной Сиверс), произошедшая сначала во Франции, а затем в России⁶⁰. Они стали стержнем, вокруг которого развернулось изучение истории рода. Сейчас редко по какой семье ведутся столь же интенсивные исследования, как по Аксаковым. Они имеют огромное культурное, научное значение и оказывают существенное влияние на отечественное генеалогическое знание в целом.

Как говорил великий мыслитель и богослов отец Павел Флоренский, у каждого рода есть «свои расцветы и свои упадки. Каждое время его жизни ценно по своему», и каждый род всегда стремится к реализации некоей задачи, «которую он призван решить»⁶¹. Еще недавно казалось, что историческая задача Аксаковых была решена в XIX в. семьей Сергея Тимофеевича. В начале III тысячелетия стало очевидно, что задач может быть несколько, и новая миссия Аксаковых, возможно, заключается в том, чтобы дать образ русского дворянства, который поможет обществу через семейные ценности обрести опору в современном, полном противоречий мире.

⁵⁷ Подробнее см.: Кулешов А.С. Композитор на целине // Родина. 2005. № 12. С. 112 – 114.

⁵⁸ Подробнее см.: Кулешов А.С. «Заговор» комэска Аксакова // Родина. 2004. № 8. С. 48 – 50.

⁵⁹ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн. 1. М., 2005. С. 21.

⁶⁰ Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Paris, 1988. Кн. 1 – 2. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М., 2005. Кн. 1 – 2.

⁶¹ Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 18.